

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-127-137

РУССКИЕ КЛУБЫ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И АКТУАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ ДЛЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

Анастасия Михалева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (Улан-Удэ)

Аннотация

В центре внимания данной работы – практики обращения к прошлому организаций российских соотечественников в Восточной Азии. Цель исследования – анализ их действий в качестве мнемонических акторов, актуализации прошлого для потребностей настоящего. Работа опирается на анализ нарративов о прошлом, созданных объединениями соотечественников и органами российской власти или при их участии. На сегодняшний день в регионе сложилась ситуация, когда российское государство в рамках политики поддержки русского мира создаёт спрос на определённую версию прошлого. Организации соотечественников откликнулись на него в обмен на поддержку от российской власти и стали проводником внешней политики Российской Федерации для создания пространства соотечественников и распространения влияния в Восточной Азии. Их деятельность направлена на приватизацию исторической памяти и формирование на её основе идентичности, для которой давность присутствия в регионе и единство с Россией стали важнейшими характеристиками. Однако российское государство после создания Россотрудничества сформировало собственную систему агентов на местах. Если со стороны России пропадёт спрос на участие организаций соотечественников в реализации политики памяти, то вполне возможно, что у них возникнут оппозиционные модели интерпретации прошлого.

Ключевые слова: политическая память; актуальное прошлое; политика памяти; мнемонические акторы; исторический нарратив; Восточная Азия; соотечественники; российское присутствие.

Только в 2019 г. в Монголию, Китай, Южную Корею и Японию выехало более 3 млн граждан Российской Федерации¹. Многие из них остаются там в качестве трудовых мигрантов или с целью получить высшее образование. Объединяясь в общественные организации – русские клубы, ассоциации, общества, советы – они получают статус российских соотечественников и оказываются вписанными в определённую модель отношений с российским государством. Именно оно формирует понятие соотечественника, под которым ещё в середине 2000-х гг. подразумевалось скорее русскоязычное население, оставшееся после распада СССР на территории вновь образованных государств, а сегодня с его помощью обозначают единое глобальное сообщество. Устойчивый интерес объединений соотечественников к прошлому даёт повод для мифологизации их деятельности в зарубежном информационном пространстве², а российским властям – для использования их в качестве ресурса. В такой ситуации организациям соотечественников остаётся лишь встраиваться в контролируемую государством модель создания практик обращения с прошлым, чтобы получать поддержку от российских органов власти.

В итоге память о прошлом стала одной из фундаментальных характеристик, объединяющих соотечественников в единое сообщество не только за рубежом, но и с современной Россией. Организации соотечественников предпринимают большие усилия, чтобы создать версию прошлого, которая отвечала бы их потребностям: очертить границы сообщества, своё место во взаимоотношениях с внешним миром, сформировать представление о себе в противовес другим. Эти процессы, их трансформация, содержание продвигаемых памятных сюжетов, отношения с российскими властями на этом поле – вопросы, поставленные в центр внимания данного исследования. Память о прошлом в

© Михалева А. А., 2020

¹ 3 235 540. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 25.09.2020).

² 노석조 (2014). *新냉전의 씨앗... 동유럽·아시아의 '러시아 디아스포라(diaspora-이주민)'*. URL: https://www.chosun.com/site/data/html_dir/2014/03/26/2014032600116.html (дата обращения: 25.09.2020); 潘卫 (2020). *中国和俄罗斯如何对加拿大安全构成威胁*. URL: <https://www.rfi.fr/cn/政治/20200317-中国和俄罗斯如何对加拿大安全构成威胁> (дата обращения: 25.09.2020).

данной ситуации становится способом конструирования идентичности соотечественника, но не как части замкнутого сообщества, а как части родной страны, образ которой вобрал в себя и Российскую империю, и СССР, и современную Россию.

Все организации соотечественников в Восточной Азии так или иначе обращаются к прошлому, создают об этом большое количество нарративов, заполняя медиапространство и таким образом контролируя его. При том, что для них важен местный контекст, можно ли говорить, что каждое из объединений актуализирует собственные символы прошлого? Важно понять, существуют ли единые сюжеты, и то, почему были выбраны именно они. Основой для анализа послужил подход *memory studies*, а конкретнее – концепция политической памяти А. Ассман и модель актуального (или актуализированного) прошлого (Малинова, 2016), поскольку изучаемые процессы протекают при активном участии российского государства, а прошлое используется в политических целях. Сложная динамика припоминания и забвения обусловлена в том числе и политической системой, на которую ориентируются объединения соотечественников, а политическую память формируют соответствующие культурные практики (Ассман, 2018: 214).

Похожие исследования в основном концентрируются вокруг проблемы положения соотечественников на постсоветском пространстве, однако существуют и работы, затрагивающие тему памяти, соотечественников и представлений о России вне этих границ (Алексеева, 2020; Головашина, 2020; Баскакова, 2009; Михалев, 2020; Пешков, 2015). Эти авторы изучали проблему памяти о российском и советском на территории Восточной Азии, но в целом она слабо исследована с этой точки зрения. Был проанализирован широкий спектр публикаций о деятельности организаций соотечественников в Восточной Азии, авторами которых выступили они сами или российские власти. Речь идёт об официальных интернет-ресурсах, публикуемой и поддерживаемой в публикации печатной продукции (газетах, журналах, книгах, брошюрах), выложенных в свободный доступ в наглядных материалах (презентациях, видеороликах, аудиозаписях), форумах, нормативных документах, отчётах, а также в официальных комментариях в СМИ.

Русские клубы как мнемонические акторы

Мнемонические акторы представляют собой политические силы, заинтересованные в особом понимании прошлого (Bernhard & Kubik, 2014: 4). Организации российских соотечественников, выступая как мнемонические акторы, создают себя как группу и включают в неё через акты коммеморации (Olick, 1999) тех, кого определяют как соотечественников. Однако организации соотечественников пока не борются за статус своего нарратива как единственно верного, поскольку серьёзных попыток оспорить его, неизбежно ставших бы антагонистическими актами (Миллер, 2020: 12), не происходит. Эта ситуация сложилась благодаря уникальным условиям, в которых они действуют, которые и будут проанализированы.

Организации российских соотечественников объединяют людей по языковым (русскоговорящие) признакам (Россия – Китай..., 2020: 157), они распространены и активно работают во всех четырёх рассматриваемых странах. Прошлое стало для них ресурсом легитимации своего существования: доказательством укоренённости на данной территории и основой для построения идентичности соотечественника. О прошлом говорят в двух контекстах: об истории существования объединений соотечественников и о прошлом соотечественников и их «исторической Родины» (распространённое определение).

В первом случае значение приобретает возраст самих организаций. Например, Русский клуб в Шанхае был создан в 1998 г., общество российских граждан, проживающих в Монголии, объявило себя правопреемником Общества советских граждан, проживающих в Монголии, созданного в 1954 г., и ведёт свою историю от этой даты. На фоне того, что большинство организаций соотечественников создано в конце 2000-х гг., авторитет старейших объединений выше. В то же время они придают значимости всему движению, позволяя заявлять о давности его существования в регионе. При этом сама деятельность соотечественников также прославляется как памятная. Как отмечал Биллинг, в такой ситуации «прославление объективируется: событие просто становится “памятным”, как если бы памятность была неким объективным свойством» (Биллинг, 2007: 61). Например, первое собрание Координационного совета соотечественников Китая объявляется таким «памятным» событием.

Во втором случае прошлое становится практически бездонным источником сюжетов об истории присутствия в Восточной Азии всех, кого можно определить как соотечественников, что также обосновывает давность присутствия на данной территории. Кроме этого, большое значение имеет

идея единства с Россией, поэтому важным становится российская история вообще. В такой ситуации память не связывается лишь с региональными событиями. Если, например, рассмотреть использование генеалогического поиска, то можно отметить, что он позволяет находить и публиковать истории о соотечественниках из прошлого, чьи биографии не всегда ограничены Восточной Азией. Рассказы о поколениях семей, разбросанных по всему миру, лишь подчёркивают связь с Россией. Кажущаяся беспорядочность генеалогического поиска, практикуемого организациями соотечественников, обманчива. Он всегда направлен на приватизацию исторической памяти и формирование идентичности (Здравомыслова и Ткач, 2004: 399), для которой давность присутствия в регионе и единство с Россией стали важнейшими характеристиками.

Российское государство создало спрос на прошлое, на который откликнулись организации соотечественников. В ходе множества встреч и мероприятий (конференций, круглых столов, дискуссий, вечеров памяти, уроков для детей, концертов, собраний) со второй половины 2000-х гг. началось производство большого количества нарративов о прошлом. Всё это совпало с цифровизацией, т.е. появлением интернет-ресурсов (наряду с печатными текстами), которые закрепляли в публичном пространстве создаваемые политические смыслы. Актуальными стали уже существующие памятные символы: памятники, архитектура, могилы на кладбищах и т.п., – в большинстве своём относящиеся к советской эпохе. XX в. так и останется главным временным отрезком, к которому будут обращаться организации соотечественников и в будущем, хотя советские символы позже подверглись кардинальным трансформациям (Михалев, 2020). При этом последняя треть XX в. из памяти исключена – более далёкое прошлое обладает такими достоинствами, как скупые свидетельства, допускающие самую разную трактовку, которые позволяют создавать весьма привлекательные образы (Шнирельман, 2011: 357). При этом и в 2000-е гг., и в 2010-е гг. обращение к прошлому структурирует фрейм пользы для российского государства. Если сравнить высказывания русских «этнолидеров» в Китае и Монголии в 2007 и 2019 гг., можно увидеть, что эта рамка остаётся неизменной¹.

Обычно культуры воспоминаний мигрантов скорее встраиваются в те рамки, которые конструируют государственные и негосударственные акторы политики памяти принимающего общества (Буллер и Линченко, 2020: 49). Но здесь мы говорим не о них, а об акторах «исходного общества». Внимание российского государства находит такой отклик, поскольку в основном соотечественники – это те, кто приехал в Восточную Азию для работы, учёбы, те, кто видит конечность своего пребывания здесь. Принимающее сообщество и организации российских соотечественников в такой ситуации игнорируют друг друга в вопросах памяти. Местные власти могут вплетать русский след в свою символическую политику (Пешков, 2015), но столкновения интерпретаций не происходит. Объединения соотечественников продвигают своё прочтение прошлого, другие акторы – своё, никто не пытается их согласовать.

В итоге организации соотечественников действуют на поле политической памяти. Они сознательно поддерживают политику России в этой области, что позволяет им использовать ресурсы государства. Оспаривание создаваемой интерпретации прошлого не происходит, поскольку любые конфликты в такой ситуации несут опасность возникновения внешнеполитических разногласий уже на уровне государств. XX в. становится самым востребованным периодом времени, большое внимание уделяется советскому прошлому, а региональный аспект вообще может утратить своё значение, ведь главной задачей обращения к прошлому становится формирование и поддержание идентичности (Малинова, 2020: 26).

¹ Координационный совет соотечественников в Китае (2008), *О взаимодействии русскоязычных граждан, проживающих в КНР*. URL: <http://www.russianchina.org/news/2008/08/07/277> (дата обращения: 25.09.2020). Интервью с главой РОС в Монголии. Антипова К. (2019). *Татьяна Шорваева: «В общественной работе, безусловно, заложена определенная доля самопожертвования»*. URL: <https://friends.bigasia.ru/interview/tatyana-shorvaeva-v-obshchestvennoy-rabote-bezuslovno-zalozhena-opredelennaya-dolya-samopozhertvovan/> (дата обращения: 25.09.2020).

Памятные сюжеты

Можно выделить три основных сюжета обращения к прошлому. Это история вынужденной эмиграции первой половины XX в.¹, православие и Великая Отечественная война. Другие сюжеты тоже существуют, но они значительно менее популярны.

Тема эмиграции сфокусирована вокруг XX в., хотя существуют и истории о более ранних сроках появления выходцев из России на территории той или иной страны в Восточной Азии, но они остаются вспомогательными – позволяют заявить о давности присутствия соотечественников, но далее все рассуждения в основном строятся вокруг более поздних событий. В центре внимания находится идея «исторической Родины» – центрального места в жизни соотечественников, память о которых актуализируется сегодня. Это описывают нарративы об отношениях с родиной: о переселении, о сохранении языка, культуры, религии, «самобытности» родины. Такая интерпретация событий позволяет обосновать тесные взаимоотношения организаций соотечественников и российского государства². В данной ситуации можно зафиксировать попытку упорядочить понимание родины, несмотря на то, что её восприятие может быть наполнено разными смыслами, потому что концепция родины в данной ситуации становится важным локусом принадлежности и влияет на самоидентификацию (Jašina-Schäfer, 2019).

«Открытие» биографий эмигрантов – почёркнуто важная работа организаций соотечественников, себя они позиционируют прямыми наследниками этих эмигрантов, но не через местные коннотации, а через общую связь с родиной, принадлежность к ней. Это апелляция к существующему представлению об эмигранте как о человеке, насильственно разделённом со своей родиной, лишённом гражданства, но которого всё ещё тянет – мыслью, чувством, памятью и культурой – к русским способам видения мира (Selunskaja, 2002). Важным становится описание лучших качеств эмигрантов: образование, квалификация, личные качества – способ удовлетворить эмоциональную потребность услышать «хорошие» истории (Вельцер, 2005: 57) о соотечественниках. Таким образом появляется не только мотив укоренённости, но и положительности влияния на регион при одновременном ему противопоставлении.

Православие – это универсальный сюжет. Во-первых, с его помощью легко обратиться к прошлому: рассказы о православных миссионерах, эмигрантах, культовых сооружениях, их поиски и попытки восстановления – всё это протягивает связь между современными объединениями соотечественников и событиями, происходившими здесь когда-то. Даже препятствия воцерковленности в прошлом не мешают выстраивать эту преемственность: актуализируются воспоминания о религиозных практиках без посещения церкви (Mikhalev, 2018). Во-вторых, понятие соотечественника сливается с понятием православного, это одна из основных объединяющих характеристик. Организации соотечественников включают в зону своих интересов старую могилу, потому что видят на надгробном памятнике православный крест³. История православия в регионе становится тем прошлым, память о котором объявляют ценной и требующей сохранения. В-третьих, православная церковь сегодня легко идёт на контакт, позиционируя себя как центр, который притягивает и объединяет соотечественников. Так, тема православия становится фоном для других сюжетов о прошлом, а церковь – активным участником широкого спектра действий, конструирующих это прошлое: от совершения молебнов в память о советских солдатах и организации школ русского языка для потомков эмигрантов до концептуализации истории российского присутствия в Восточной Азии на различных конференциях и позиционирования себя как эксклюзивного источника знаний о прошлом через свои архивы. Московский патриархат развил несколько линий «памятной продукции» (Ларюэль, 2020: 127) не только в России, но и за рубежом. В итоге Русская Православная Церковь активно взаимодействует с организациями соотечественников и становится актором международных отношений, преследуя свои интересы и интересы российского государства (Curanović, 2012).

В отдельный сюжет стоит выделить память о Великой Отечественной войне. Его нельзя объединить с сюжетами о прошлых воинских событиях, например, годовщиной затопления крейсера «Ва-

¹ См., например: Русский клуб в Урумчи (2008), *Помогите найти сестру!* URL:

<http://web.archive.org/web/20090813231120/http://www.russianurumqi.ru/archives/140#more-140> (дата обращения: 25.09.2020).

² Координационный совет соотечественников в Китае (2009), *С чего начинается Родина?* URL: <http://www.russianchina.org/articles/2009/02/02/663> (дата обращения: 25.09.2020).

³ Успенский В. (2019), *Вдали от дома. История соотечественников, похороненных в Токио.* URL: <https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/8000398.html> (дата обращения: 25.09.2020). Редакция портала «Русский мир» (2019), *Соотечественники взяли под опеку русские могилы, обнаруженные на кладбище в Токио.* URL: <https://russkiymir.ru/news/256885/> (дата обращения: 25.09.2020).

ряг» или гибели русских моряков в Цусимском сражении. Такие события чаще всего обсуждают в контексте строительства православных храмов, молебнов, российской истории, события которой вынудили бежать за границу соотечественников, то есть они обсуждаются через призму сюжетов эмиграции и православия, а не воинской славы. С Великой Отечественной войной иначе: речь идёт именно о ней, а не о Второй мировой – события, происходившие в Азии, почти не обсуждаются. На проводимых организациями соотечественников «уроках Памяти», демонстрациях документальных и художественных фильмов, вечерах военной песни значение имеют скорее события, происходившие в Европе. Память здесь мыслится как память о прошлом России, а не о региональном контексте этого прошлого. В этом проявляется и то, что в большинстве своём соотечественники представляют собой жителей Восточной Азии, приехавших сюда в течение последних 30 лет со всего постсоветского пространства. И отношение к войне у них обусловлено всем характером советской культуры (Гудков, 2005: 92). С каждым годом значение Великой Отечественной войны возрастает, это наглядно видно в растущем количестве нарративов, посвящённых этой теме, а также в росте статуса тематических событий: от локальных встреч до региональных мероприятий, как, например, организованная Координационным советом соотечественников в Китае и Русским клубом в Харбине в 2010 г. четвёртая конференция российских соотечественников, проживающих в Китае, темой которой было объявлено «Русское историческое наследие в Китае: проблемы изучения, охраны и популяризации в свете 65-й годовщины Великой Победы». Это подтверждает, что сохранение памяти о различных событиях предполагает их актуальность для российского общества (Козьякова, 2015: 212).

Одним из важнейших мемориальных символов о Великой Отечественной войне стала георгиевская ленточка. Кроме множества отчётов о проведённых акциях-шествиях по всей территории Восточной Азии, есть и попытки объединить эту тему с другими сюжетами. На сайте Координационного совета соотечественников в Китае есть рассказ о том, как георгиевская ленточка стала символом единства российской истории. В нём переплетаются образы советских солдат, белого движения Гражданской войны, что выражается в якобы имевшейся у генерала В. Каппеля георгиевской ленточке, которую получили члены Русского клуба, принимавшие участие в эксгумации его тела:

Символично, что раздача георгиевских ленточек среди членов русской диаспоры Харбина началась именно здесь – у бывшей могилы Георгиевского кавалера. Теперь георгиевские ленточки – это символ доблести и славы Советской армии и советского народа. Над местом, откуда извлекли неподвластную времени черно-оранжевую ленту, снова мелькает победный биколор. История делает зигзаги. Неизменным должно оставаться лишь одно – наше стремление сохранить нашу историю, нашу память!¹

Анализ исторических сюжетов, на которые опираются организации соотечественников, позволяет выявить особенности их действий в качестве мнемонических акторов. Тесная связь с российской властью не только даёт возможности для использования этого ресурса в своих целях, но и накладывает определённые ограничения. Тематика Второй мировой войны в Азии опасна перспективой международного скандала и осложнения внешнеполитической ситуации для России. В итоге распространяется сюжет о Великой Отечественной войне. Актуальной становится та память, что помогает обосновать существование организаций соотечественников и их взаимоотношения с российской властью.

Общее дело или конкуренция?

В плане политики памяти и организации соотечественников и российские власти действуют в едином пространстве, но возможна ли между ними конкуренция? С самого начала институционального оформления российской государственной политики, опирающейся на концепт соотечественников и единой с Россией диаспоры², память стала одним из главных направлений работы в этой области. История стала видеться политическим инструментом, социальной и политической организующей силой, которая может помочь сформировать идентичность групп и укрепить объединения (Hill & Gaddy, 2012: 22). Разные органы власти стали обращаться к теме соотечественников и памяти. Это министерство иностранных дел и его представительства, министерство обороны и вооружённые силы

¹ Координационный совет соотечественников в Китае (2009), *Пока мы помним – мы есть!* URL: <http://www.russianchina.org/projects/2009/04/30/1187> (дата обращения: 25.09.2020).

² Ещё в 1999 г. был принят федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 №99-ФЗ.

в целом, другие органы власти, вовлечённые в эту деятельность, но наиболее специализированным органом власти стало подведомственное министерству иностранных дел РФ Россотрудничество¹, созданное в 2008 году. Агентство – это открытые в зарубежных странах российские центры науки и культуры или, по крайней мере, собственные представители в составе российских посольств. Уже при создании в списке его полномочий находилась организация мероприятий по сохранению находящихся за рубежом объектов, имеющих для Российской Федерации историко-мемориальное значение². Другие полномочия в планировании, организации, координации и проведении гуманитарных, научных и культурных акций дают широкие возможности заниматься вопросами памяти, что Россотрудничество и делает с момента своего создания. В опубликованных отчётах, а также в постоянно публикуемых «декларациях целей и задач» формирование «объективного восприятия» России, её роли и места в мировой истории остаётся центральным мотивом для широкого спектра проводимых мероприятий.

Организации соотечественников выступают в данной ситуации то как партнёры, с которыми «выстраивают взаимодействие», то как объекты, деятельность которых необходимо «координировать», а их «потенциал использовать». И тенденция их вытеснения из информационного пространства, посвящённого российской политике памяти, только нарастает. В первой половине 2000-х гг. до появления Россотрудничества в создаваемом российскими органами власти контенте о событиях и акторах прошлого на территории Восточной Азии организации соотечественников презентовались как главные акторы формирования памяти о прошлом, как те, кто напрямую связан с памятными событиями. Российское государство здесь выступало как помощник, на которого в своей деятельности могут опереться соотечественники³.

К концу 2000-х гг. на фоне эскалации исторической политики (Миллер, 2011: 51) меняется информационное пространство: растёт количество легкодоступного контента, в котором постоянно подчёркивалась роль совместных усилий органов власти и организаций соотечественников по сопротивлению забвению, актуализации исторических сюжетов и памяти о них на современном этапе, а также роль всего этого во внутренней консолидации соотечественников и их связи с современной Россией. Большую часть такого контента создавали сами организации соотечественников, а российские власти их просто цитировали.

Но значение прошлого как масштабного мобилизационного ресурса для российской власти продолжало расти. В проектах, планах, задачах и других документах, созданных российскими властями, их собственная роль по-прежнему чаще всего описывается как «содействие»⁴. Однако после анализа отчётов о деятельности Россотрудничества и МИД РФ в Восточной Азии, становится понятно, что государственное финансирование выделяется им на конкретные программы, которые осуществляются ими самостоятельно. А исследование публикаций, посвящённых политике памяти, на официальных сайтах этих двух ведомств показывает, что на протяжении 2010-х гг. частота упоминаний объединений соотечественников и их роли в сохранении памяти о прошлом падает. Сегодня возможно проведение мероприятия без участия местных организаций соотечественников, однако прежде апелляция к ним была необходима как средство легитимации разговора о прошлом России за пределами её границ.

Организации соотечественников и русские центры, принадлежащие Россотрудничеству, всё интенсивнее работают над тем, чтобы дать условному соотечественнику «собственное» прошлое с представлениями о традиции и величии сообщества и существенных чертах, его определяющих. Показываются образы друзей, врагов, предлагаются критерии принадлежности или исключённости, назначаются выдающие исторические персонажи в качестве образцов и фигур идентификации (Шенк, 2007: 15). Отобранная, написанная, проиллюстрированная, популяризированная история о соотечественниках доводится в установленном порядке до них самих (Хобсбаум, 2000: 59–60). Пока создаваемый ими дискурс не просто согласуется, он остаётся единым. Однако невозможно говорить о том, что ситуация останется прежней. Если со стороны Российского государства пропадёт спрос на участие организаций соотечественников в реализации политики памяти, то вполне возможно, что у них

¹ Ранее Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

² Указ Президента РФ «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» от 6 сентября 2008 г. № 1315.

³ Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. №3612-1.

⁴ См., например: Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2015–2017 годы» от 19 ноября 2014 г. №2321-р.

возникнут свои модели интерпретации прошлого. Несмотря на появление самодостаточной структуры органов российской власти на местах, модель соотечественников всё ещё востребована для России, поддержание отношений с ними (т.е. с организациями, их олицетворяющими) остаётся одним из главных направлений их работы, в том числе и для Россотрудничества.

***

Формирование сети объединений соотечественников в Восточной Азии произошло под влиянием политики русского мира и поддержки соотечественников российскими властями. Была создана модель отношений, когда организации соотечественников стали проводником российского государства для создания пространства соотечественников в рамках его внешней политики и распространения влияния в Восточной Азии. Для них эта модель обладает своими преимуществами, поскольку позволяет членам объединений, особенно руководству, выстраивать личные взаимоотношения с представителями российских органов власти, решать свои задачи: как личного характера, так и для возглавляемых ими организаций. Россия даже создала систему поощрения – лучший соотечественник может получить государственную награду. С 2008 по 2019 гг. такие награды получили представители объединений соотечественников из всех четырёх рассматриваемых стран.

В большинстве своём организации соотечественников объединяют очень разных людей – с разными целями пребывания в стране, непохожими биографиями, отличающимися стратегиями будущего. Создание из них единого сообщества – сложная задача, которую решают органы власти РФ и местные энтузиасты при участии Русской Православной Церкви, каждый из них пытается извлечь из этого собственную выгоду. Для создания объединяющей идеи, объясняющей их существование и деятельность, используется политическая память, фокусирующаяся на событиях XX в., а Российская империя, СССР и современная Россия в этой модели сливаются воедино: всё, чтобы сформировать это единое сообщество соотечественников. Как заявил В. Путин на первом конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, в 2001 г.: «Исторические повороты XX в. разбросали россиян по всему миру»¹.

С помощью прошлого выстраивается универсальная связь с теми, кто когда-то жил на территории Восточной Азии, а также с современной Россией. Вследствие этого популярнейшими сюжетами стали судьбы эмигрантов, православие и Великая Отечественная война. Региональный контекст становится важным только тогда, когда отвечает главным целям: легитимации укоренённости соотечественников в регионе и конструированию единого русского пространства. В итоге популярным может стать сюжет не о местных событиях, зато вписанный в единую концепцию политической памяти, которую создают и продвигают все участники процесса. Так распространилась тема Великой Отечественной войны, а не Второй мировой и её региональных событий.

Даже если среди соотечественников существует иная память о прошлом, институциональное оформление получила лишь версия, согласующаяся с официальной позицией российской власти, потому что на неё есть спрос. Однако, при всём удобстве сложившихся взаимоотношений для обеих сторон, государство стремится полностью контролировать процесс. Медленно, но верно им создаётся сеть собственных центров, которые могут выполнять те же функции, что уже выполняют организации соотечественников. И хотя официальная роль центров скорее в продвижении русского языка и культуры, они постоянно обращаются к истории. И вот уже создаются практики обращения с прошлым, где нет места объединениям соотечественников.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

---

¹ Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11-12 октября 2001 г. Москва. Итоговые материалы (2001). Москва: Дрофа, с. 3.

Библиографический список

- Алексеева, Е. В. (2020) 'Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти', *Журнал фронтирных исследований*, 5(2), сс. 92–121. [Alekseeva, E. V. (2020) 'Russian America: actors, places and forms of cultural memory' [Russkaya Amerika: aktory, mesta i formy kul'turnoi pamyati], *Journal of Frontier Studies*, 5(2), pp. 24–41. (In Russ.)], doi: 10.46539/jfs.v5i2.199.
- Ассман, А. (2018) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва: Новое литературное обозрение. [Assmann, A. (2018) *Long shadow of the past: memorial culture and historical politics* [Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Баскакова, Ю. М. (2009) 'Образ России глазами соотечественников за рубежом', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2(90), сс. 179–198. [Baskakova, Yu. (2020) 'The image of Russia through the eyes of compatriots abroad' [Obraz Rossii glazami sootchestvennikov za rubezhom], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, 2(90), pp. 179–198. (In Russ.)].
- Биллинг, М. (2007) 'Повседневное напоминание о Родине', *Логос*, 1(58), сс. 34–71. [Billig, M. (2007) 'Flagging the Homeland Daily' [Povsednevnoe napominanie o Rodine], *Logos*, 1(58), pp. 34–71. (In Russ.)].
- Вельцер, Х. (2005) 'История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы' в: *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение, сс. 51–63. [Welzer, H. (2005) 'History, memory and modernity of the past. Memory as an arena for political struggle' [Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoi bor'by] in: *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe* [Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 51–63. (In Russ.)].
- Головашина, О. В. (2020) 'Социальная память и проблемы интеграции участников программы переселения соотечественников', *Журнал фронтирных исследований*, 5(2), сс. 159–176. [Golovashina, O. V. (2020) 'Social memory and problems of integration of participants in the program of resettlement of compatriots' [Sotsial'naya pamyat' i problemy integratsii uchastnikov programmy pereseleniya sootchestvennikov], *Journal of Frontier Studies*, 5(2), pp. 159–176. (In Russ.)], doi: 10.46539/jfs.v5i2.206.
- Гудков, Л. (2005) 'Память о войне и массовая идентичность россиян' в: *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение, сс. 83–103. [Gudkov, L. (2005) 'The memory of the war and the mass identity of Russians' [Pamyat' o voine i massovaya identichnost' rossiyan] in: *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe* [Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 51–63. (In Russ.)].
- Здравомыслова, Е., Ткач, О. (2004) 'Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память»', *Ab Imperio*, 3, сс. 383–407. [Zdravomyslova, E., Tkach, O. (2020) 'Genealogical research in contemporary Russia: the rehabilitation of "history" through the family "memory"' [Genealogicheskii poisk v sovremennoi Rossii: reabilitatsiya «istorii» cherez semeinuyu «pamyat'»], *Ab Imperio*, 3, pp. 383–407. (In Russ.)].
- Козьякова, Н. С. (2015) 'Великие битвы прошлого и их восприятие в общественно-политическом сознании россиян', *Вестник Московского государственного областного университета*, 5, сс. 211–216. [Koz'yakova, N. (2015) 'Great battles of the past and their perception by the Russians' socio-political conscience' [Velikie bitvy proshlogo i ikh vospriyatie v obshchestvenno-politicheskom soznanii rossiyan], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 5, pp. 211–216. (In Russ.)], doi: 10.18384/2310-676X-2015-5-211-216.
- Ларюэль, М. (2020) 'Политика памяти Русской православной церкви: реабилитируя,

- перехватывая, возвращая' в: Миллер, А.И., Ефременко, Д.В., (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 122–143. [Laruelle, M. (2020) 'The politics of memory of the Russian Orthodox Church: rehabilitating, intercepting, returning' [Politika pamyati Russkoi pravoslavnoi tserkvi: reabilitiruyaya, perekhvatyvaya, vozvrashchaya] in: Miller, A.I., Efremenko, D.V. (eds.) *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe* [Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, pp. 122–143. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2016) 'Актуальность прошлого: история, память и политика идентичности', *Дискурсология: методология, теория, практика*, 10, сс. 156–166. [Malinova, O. Yu. (2016) 'The urgency of a usable past: history, memory, and identity politics' [Aktual'nost' proshlogo: istoriya, pamyat' i politika identichnosti], *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika*, 10, pp. 156–166. (In Russ.)].
- Малинова, О. Ю. (2020) 'Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации' в: Миллер, А.И., Ефременко, Д.В., (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 122–143. [Laruelle, M. (2020) 'Memory mode as the analysis tool: the problem of conceptualization' [Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy kontseptualizatsii] in: Miller, A.I., Efremenko, D.V. (eds.) *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe* [Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, pp. 26–39. (In Russ.)].
- Миллер, А. (2011) 'Лабиринты исторической политики', *Россия в глобальной политике*, 9(3), сс. 49–62. [Miller, A. (2011) 'Labyrinths of Historical Politics' [Labyrinthny istoricheskoi politiki], *Russia in Global Affairs*, 9(3), pp. 49–62. (In Russ.)].
- Миллер, А. (2020) 'Введение. Большие перемены. Что нового в политике памяти и в её изучении?' в: Миллер, А.И., Ефременко, Д.В., (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 122–143. [Miller, A. (2020) 'Introduction. Big changes. What's new in the politics of memory and in the study of it?' [Vvedenie. Bol'shie peremeny. Chto novogo v politike pamyati i v ee izuchenii?] in: Miller, A.I., Efremenko, D.V. (eds.) *The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe* [Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, pp. 122–143. (In Russ.)].
- Михалев, А. (2020) 'Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии', *Политическая наука*, 2, сс. 126–142. [Mikhalev, A. (2020) 'Symbols of the Soviet presence in post-socialist Mongolia' [Simvoly sovetskogo prisutstviya v postsotsialisticheskoi Mongolii], *Political Science (RU)*, 2, pp. 126–142. (In Russ.)], doi: 10.31249/poln/2020.02.06.
- Пешков, И. О. (2015) 'Новое прошлое для новых горожан: следы российского присутствия в приграничных городах Китая', *Вестник Томского государственного университета. История*, 5(37), сс. 113–119. [Peshkov, I. (2015) 'A New Future for New City Residents: Traces of Russian Presence in Chinese Borderland Cities' [Novoe proshloe dlya novykh gorozhan: sledy rossiiskogo prisutstviya v prigranichnykh gorodakh Kitaya], *Tomsk State University Journal of History*, 5(37), pp. 113–119. (In Russ.)], doi: 10.17223/19988613/37/16.
- Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи»* (2020). Москва: ИДВ РАН. [Russia – China Relations: Opportunities and Challenges of the New Era Relationship [Rossiya – Kitai: shansy i vyzovy otnoshenii novoi epokhi] (2020), Moscow: IDV RAN. (In Russ.)].

- Хобсбаум, Э. (2000) 'Изобретение традиций', *Вестник Евразии*, 1, сс. 47–62. [Hobsbawm, E. (2000) 'Invention of tradition' [Izobretenie traditsii], *Vestnik Evrazii*, 1, pp. 47–62. (In Russ.)].
- Шенк, Ф. (2007) *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. Москва: Новое литературное обозрение. [Schenk, F. (2007) *Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Memory: Saint, Ruler, National Hero (1263–2000)* [Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamyati: pamyati: svyatoi, pravitel', natsional'nyi geroi (1263-2000)], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Шнирельман, В. (2011) 'Президенты и археология, или Что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время' в: Герасимов, И., Могильнер, М., Семенов, А. (ред.) *Империя и нация в зеркале исторической памяти*. Москва: Новое издательство, сс. 357–405. [Shnirelman, V. (2011) 'Presidents and archeology, or What politicians are looking for in antiquity: the distant past and its political role in the USSR and post-Soviet times' [Prezidenty i arkheologiya, ili Chto ishchut politiki v drevnosti: dalekoe proshloe i ego politicheskaya rol' v SSSR i v postsovetskoe vremya] in: Gerasimov, I., Mogilner, M., Semenov, A. (eds.) *Empire and nation in the mirror of historical memory* [Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoi pamyati]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 357–405. (In Russ.)].
- Bernhard, M. and Kubik, J. (2014) 'Introduction, Theory of the Politics of Memory' in: *Twenty Years After Communism: the Politics of Memory and Commemoration*. New York: Oxford University Press, pp. 1–36.
- Curanović, A. (2012) *The Religious Factor in Russia's Foreign Policy: Keeping God on our Side*. London; New York: Routledge.
- Hill, F. and Gaddy, C. (2012) 'Putin and the Uses of History', *The National Interest*, 117, pp. 21–31.
- Jašina-Schäfer, A. (2019) 'Where Do I Belong? Narratives of Rodina among Russian-speaking Youth in Kazakhstan', *Europe-Asia Studies*, 71, pp. 97–116.
- Mikhalev, A. (2018) 'The Russian Diaspora in Mongolia: Stages of the Formation of Frontier Religiosity', *Anthropology & Archaeology of Eurasia*, 57, pp. 128–141, doi: 10.1080/10611959.2018.1470428.
- Olick, J.K. (1999) 'Collective Memory: The Two Cultures', *Sociological Theory*, 17(3), pp. 333–348.
- Selunskaja, V.M. (2002) 'The Integration of the Russian Emigré Community Between the World Wars in Russian and Soviet Historiography', *Russian Studies in History*, 41(1), pp. 8–37.

Информация об авторе

Михалева Анастасия Анатольевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (г. Улан-Удэ). E-mail: afan-project@mail.ru (ORCID: 0000-0003-3662-1071. ResearcherID: O-2254-2016).

Статья принята к печати: 30.10.2020

RUSSIAN CLUBS IN EAST ASIA AND USABLE PAST FOR COMPATRIOTS

A. A. Mikhaleva

Buryat State University (Ulan-Ude)

Abstract

This work focuses on the practices of memory of Russian compatriots' organizations in East Asia. The aim of the study was to analyze how the latter use the past as mnemonic actors. We studied the narratives about the past created by compatriots' organizations and the Russian authorities or with their support. Today the Russian state creates a demand for a specific version of memory in the region, as part of its policy of supporting the Russian world. Compatriots' organizations have responded to it in exchange for support and have become agents of the Russian foreign policy, increasing influence in East Asia. These organizations privatize historical memory and form an identity on its basis, for which long-standing presence in the region and unity with

Russia have become the most important characteristics. However, after the establishment of Rossotrudnichestvo, the Russian state formed a system of local agents. If the demand for the participation of compatriots' organizations in memory politics disappears, then it is possible that oppositional interpretations of the past will appear.

Keywords: political memory; usable past; memory politics; mnemonic actors; historical narrative; East Asia; compatriots; Russian presence.